
Н. С. РОЗОВ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВЯЗИ STRUCTURE/AGENCY*

Представлен ряд понятийных конструкций (концептов-медиаторов): габитусы (П. Бурдьё), понятия как комплексы управляющих поведением установок, вызовы и ответы (А. Тойнби), интерактивные ритуалы с эмоциями и символами (традиция Дюркгейма – Гофмана – Коллинза), состояния комфорта и дискомфорта с принципами оперантного обусловливания (Б. Ф. Скиннер), структуры взаимодействий (отношения, группы, организации, движения), функциональная модель (А. Стинчкомб) и ее расширения, а также охватывающие среды экономических и социальных обменов, коммуникаций (Дж. Хоманс, П. Блау), включающие рынки, дискурсы и сети. Отождествление ключевых понятий в этих концептах позволяет получить богатую и гибкую конструкцию, предназначенную для формулирования теоретических гипотез, эмпирическая проверка которых становится возможной благодаря накопленному опыту исследований по каждому концепту в связующем ряде.

Ключевые слова: *structure и agency, социальная структура, интерактивные ритуалы, установки, фреймы, габитусы, вызовы и ответы, оперантное обусловливание, сети, социальный обмен.*

The article presents a number of notional frameworks (concepts-mediators): habitus (P. Bourdieu), challenges and responses (A. Toynbee); interactive rituals with emotions and symbols (the tradition of Durkheim-Hoffman-Collins); the comfort and discomfort with the principles of operant conditioning (B. Skinner); the structures of interactions (relationships, group, organization, movement); the functional model (A. Stinchcombe), and its extensions, as well as covering spheres of economic and social exchanges and communication (J. Homans, P. Blau), including economic and social markets, discourses and networks. The equation of the key concepts of these mediators provides a rich and flexible structure designed for the formulation of theoretical hypotheses

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

and their empirical testing which becomes possible due to the accumulated experience of studies of every concept in the linking chain.

Keywords: *structure and agency, social structure, interactive rituals, frames, habitus, challenge and response, operant conditioning, social networks, social exchange.*

Постановка задачи концептуализации

В социологии отношение *structure/agency* (или *макро-/микро-* в американской традиции) обычно трактуется как проблема разрыва между надиндивидуальными целостностями (установлениями, институтами, государствами) и ситуациями взаимодействия, поведением конкретных людей, групп с расстановкой сил, конфликтами, коалициями, стратегиями.

Данной проблеме посвящено огромное количество литературы, начиная с работ Д. Локвуда и П. Блау, классической книги Т. Шеллинга [Lockwood 1964; Blau 1964; Schelling 1978]. Разработанные подходы и концепции не «закрыли проблему» [Krause 2013]. Обобщение методологических дебатов относительно стратегии преодоления разрыва [Advances...1981; The Micro-Macro... 1987; Гидденс 2005; Collins 2015; 1988; Арчер 1994; Archer 2003] позволяет утверждать необходимость цепочки понятийных конструкций (концептов), отвечающих явно заданным критериям, интегрированных между собой и включающих доступные проверке теоретические гипотезы.

Вначале уточним представления о полюсах, между которыми следует выстроить понятийный мост. В связи с развитием статистики на национальном и глобальном уровнях, всевозможных экспертных оценок, рейтингов область *structure* стала в последние годы ассоциироваться со всевозможными макропоказателями (экономическими, социальными, политическими, демографическими, технологическими). Все эти макропоказатели указывают на меняющиеся качества больших социальных целостностей (популяций, институтов, провинций, организаций, экономических отраслей, государств, политических устройств, миросистем и пр.), как раз и составляющих макро-, то есть возвышающихся над *agency* уровнем *structure*.

Сам же полюс *agency* будем понимать как поведение, включающее *реакции* (ответы на изменение ситуации), *практики* (рутин-

ные, каждодневные занятия), отдельные *действия*, в том числе *поступки* (действия в ситуациях выбора со значимыми последствиями), *деятельности* (сложные, целенаправленные, долговременные комплексы действий, практик и типов реакций), а также *взаимодействия* в ситуациях здесь-и-сейчас (встречи, столкновения, разговоры, церемонии и пр.). Сюда включается как *повседневность*, так и особые кризисные ситуации с *поворотными жизненными выборами*.

Требования к концептам-медиаторам

С учетом накопленного багажа идей и подходов сформулируем следующие критерии отбора:

- *универсальность и потенциал расширения*: понятия должны быть приложимы ко всем обществам, культурам, эпохам (ведь всегда и везде есть уровень поведения и хотя бы один-два возвышающихся над ним уровня социальных структур, их меняющихся качеств); потенциал расширения означает возможность приспособления понятий концепта для охвата максимального числа частных социальных теорий и эмпирических описаний конкретных ситуаций, обществ, их частей, сфер, аспектов;
- *динамизм*: иными словами, указание на типовые причинные силы, действующие закономерно, что означает возможность построения гипотез, объяснительных моделей;
- *простота закономерностей*: при построении понятийного каркаса следует начинать с самых очевидных, грубых, упрощенных связей; выявление и преодоление аномалий, нюансов, сложностей – задачи последующей теоретической и эмпирической работы;
- *операционализируемость*: наличие исследовательской традиции и эмпирических методов фиксации, измерения, изучения явлений, к которым относятся понятия концепта;
- *совместимость*: концепты должны служить медиаторами, понятийными «мостами» от *structure* к *agency* и обратно, то есть объединяться в цепочки и составные конструкции, что осуществляется через отождествление понятий из разных концептов.

Габитусы и четыре типа установок

Примем крайне упрощенную психологическую концепцию: будто бы все поведение человека полностью определяется особыми

управляющими частями психики: установками (неважно, осознаваемыми или нет). Несколько смутное у Пьера Бурдые понятие *габитус* эксплицируется как комплекс четырех следующих типов установок [Розов 2011, гл. 3]:

- *фреймы* (когнитивные установки) – внутренние средства схематизации опыта, «определения ситуации» (Дж. Мид, Г. Блумер), то есть для осмысления явлений окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное;

- *символы, сакральные объекты* (ценностные установки) – принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, ценности (Э. Дюркгейм);

- *идентичности* (экзистенциальные установки) – представления человека, группы, сообщества о своем месте в социальном окружении (понимаемом через *фреймы*), также принимаемые *роли* в основных жизненных сферах и характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Э. Эриксон);

- *поведенческие стереотипы* (бихевиоральные установки) – внутренние правила, осознанные принципы и неосознанные нормы, ограничения, склонности, то есть все психические структуры, непосредственно управляющие реакциями, практиками, действиями, деятельностью (Г. Олпорт, Д. Узнадзе).

Универсальность такой концептуализации может быть подвергнута сомнению, только если будут представлены убедительные свидетельства, что в какой-то культуре, эпохе: а) люди не пользовались внутренними схемами для определения ситуации; б) у них не имелось никаких святынь, ценностей, норм, правил и их аналогов; в) люди никак не определяли свое место, позицию, роль среди окружающих; г) элементы их поведения никак не определялись внутренними психическими структурами.

Для простоты вынесем за скобки (временно) множественность противоречащих друг другу установок, внутренние конфликты, сложности выбора и самоопределения; тогда все ситуации каждым человеком однозначно осмысляются соответственно имеющимся у него/нее *фреймам*, оцениваются согласно принимаемым *символам* и *идентичностям*, а поведение в ситуации осуществляется в соот-

ветствии со *стереотипами, внутренними правилами* и в полном согласии с определением ситуаций.

В рамках данной схематизации для объяснения поведения и взаимодействия людей достаточно знать характер проявления и происхождение установок четырех вышеуказанных типов. Для этого нам понадобится следующий набор концептов.

Комфорт – дискомфорт, вызов – ответ и оперантное обусловливание

К комфорту стремятся, дискомфорта избегают. О материальных условиях так или иначе заботится каждое живое существо; для всех стадных и стайных животных (к которым принадлежит и вид *Homo sapiens*) весьма значим комфорт группового членства. Специфика человеческих потребностей концептуализируется через три типа комфорта:

- *комфорт жизнеобеспечения и материальных благ* – безопасность, а также пропитание, одежда, кров, средства передвижения от минимальных форм до крайней роскоши и технической, эстетической изощренности;

- *социальный комфорт* – свобода от насилия и принуждения, положение среди себе подобных, групповое членство, эмоциональные связи, достоинство, престиж, власть, богатство, влияние;

- *духовный комфорт* – сопричастность символам, святыням, ценностям, что связано с самоуважением, самоутверждением и не сводится полностью к социальному престижу.

Опять же для простоты допустим, что в каждой ситуации человек распознает возможности продвижения к увеличению (сохранению, восстановлению) комфорта определенного типа и действует в этом направлении. Данный тезис не означает того, что каждое действие движимо желанием («классическая модель», справедливо раскритикованная Дж. Сёрлем [Сёрль 2004]). Поведение на основе долга, данных обещаний и обязательств, моральных принципов и т. п. может противоречить желаниям и даже личным, эгоистическим интересам, но хорошо объясняется стремлением сохранить идентичность, верность символам и духовный комфорт, положение в социальном членстве и социальный комфорт.

Тойнбианская схема «вызов – ответ» легко сочленяется со схемой «комфорт – дискомфорт» и оперантным обусловливанием (стимул – ответ – результат). *Вызов* – это либо наступление дискомфорта, угроза потери комфорта, либо открывающаяся возможность восстановить, увеличить комфорт. Будем говорить соответственно о *вызовах-угрозах* и *вызовах-возможностях*. *Ответом* является оперант – совокупность реакций, действий, направленная на сохранение, восстановление или увеличение комфорта (Б. Скиннер).

Динамические закономерности также представим в крайне упрощенной форме, опираясь на классические принципы Э. Торндайка и его последователей.

Успех действия (рост, сохранение комфорта) ведет к положительному подкреплению, к большей готовности (или вероятности) такого ответа в следующей подобной ситуации.

Провал действия (рост дискомфорта) ведет к отрицательному подкреплению, после чего данный ответ будет в дальнейшем даваться с меньшей готовностью (или вероятностью). Серия отрицательных подкреплений ведет к блокированию данного типа действий и опробованию новых, пока через пробы и ошибки (инструментальное научение) или целенаправленный поиск (творческое научение) не находится ответ, получающий положительное подкрепление.

Социальные обмены с вознаграждениями и наказаниями (в традиции Дж. Хоманса, П. Блау, Р. Эмерсона) являются крайне важным, распространенным, но все же частным типом данного концепта [Hомans 1974].

Добавление схемы А. Тойнби, которую он использовал для объяснения роста цивилизаций, позволяет существенно расширить применение принципов оперантного обусловливания: от индивидов и ситуаций здесь-и-сейчас – к группам, организациям, движениям, государствам, соответствующим крупным временным и социальным масштабам вызовов и ответов.

Принцип сохранения, увеличения трех типов комфорта и оперантное обусловливание через положительные и отрицательные подкрепления следует дополнить специфическим механизмом формирования человеческих установок, в котором соединяются непо-

средственное социальное взаимодействие, способность к символизации и эмоции.

Интерактивные ритуалы

В традиции Э. Дюркгейма, У. Уэллера, Э. Гофмана, Р. Коллинза *интерактивные ритуалы* (далее просто ритуалы) понимаются очень широко – как универсальные «машины» возбуждения групповых эмоций, создания общих святынь, образов реальности, формирования и трансформации отношений: от солидарности и подчиненности, авторитета до презрения и ненависти [Коллинз 2002, гл. 1]. Вполне естественно считать, что установки всех четырех формируются, «впечатываются» в психику именно в эмоционально насыщенных ритуалах, будь то разговоры с близкими, чтение и обсуждение книг, фильмов, участие в празднествах, парадах, церковных службах, обрядах, а также в личных душевных беседах, переговорах, ссорах, получении и отдаче приказов, публичных отчетах, дискуссиях и т. д. [Розов 2011, гл. 3].

Для наших целей особенно значимо выделение двух типов ритуалов:

- *сохраняющие (консервативные) ритуалы*, в которых имеющиеся у участников установки укрепляются (так, встречи друзей, влюбленных укрепляют солидарность, а регулярная отдача приказов, предоставление отчетов укрепляют подчиненность и лояльность);
- *трансформирующие ритуалы*, в которых одни установки ослабляются, угасают вплоть до разрушения, дискредитации символов, а другие появляются, усиливаются; как правило, такие ритуалы исполнены драматизма, бурных эмоций, конфликтности, они сопровождаются *рефреймингом* – кардинальным переосмыслением происходящего, сменой ценностей и святынь, направленности, целей и способов поведения, сменой идентичности, вплоть до смены своего имени.

Между ритуалами люди как-то реагируют на новое в ситуациях, совершают действия, выполняют рутинные практики. Поскольку поведением управляют установки, а установки формируются, укрепляются, трансформируются в ритуалах, то происходящие в них эмоционально значимые выигрыши и провалы становятся главными объяснительными средствами сохранения или изменений в поведении людей.

Постулируем также, что каждый значимый *вызов* (угроза комфорту или открывающиеся возможности восстановления, увеличения комфорта) всегда ведет за собой ритуал или серию ритуалов. Именно в этих ритуалах (первичных – столкновениях с вызовом, вторичных – бурных обсуждениях в модальности «что теперь будем делать?!» и третичных – индивидуальных обдумываниях, поиске выхода и планировании) выковываются *ответы* на вызов. Таким же образом оценка успеха или провала ответа происходит в эмоционально насыщенных ритуалах, что укрепляет или меняет установки участников, прежде всего их осмысление происходящего (фреймы) и поведенческие стереотипы, ведущие к действиям и практикам.

Устойчивые отношения, институты и групповые акторы

Когда ситуации взаимодействия имеют хоть какой-то социальный порядок, они включают ритуальную сторону с фиксированными позициями (П. Блау, Р. Бхаскар), осознанными или неосознанными общей реальностью (А. Шюц, Г. Гарфинкель), символами поклонения (Э. Дюркгейм), взаимным согласием с идентичностями, соответствующими занимаемым позициям (Э. Эрикссон), правилами, ожиданиями относительно характера взаимодействия и поведения каждого участника (П. Сорокин, Г. Зиммель, Р. Мертон).

Институты (типы отношений) и институты (типы организаций) являются не только социологическими обобщениями и категориями в нормативных документах, но также существуют как воспроизводимые в поколениях общие культурные образцы, элементы публичного дискурса, к которым участники групп и организаций обычно обращаются в ситуациях конфликта и трансформации.

Многие группы и организации (консолидированные семьи, движения, партии, ведомства, державы) ведут себя как единый субъект и выступают как *акторы* во взаимодействии с другими акторами (индивидами, группами, организациями). Каждая крупная дееспособная целостность (большая, чем малая группа) включает некий *управляющий центр* (или коалицию центров), члены которого (*правлящая элита*) воспринимают внешние и внутренние изменения, принимают решения.

При устойчивой стабильности унаследованные из прошлого социальные структуры перестают восприниматься как таковые и считаются уже само собой разумеющимися основами мирового

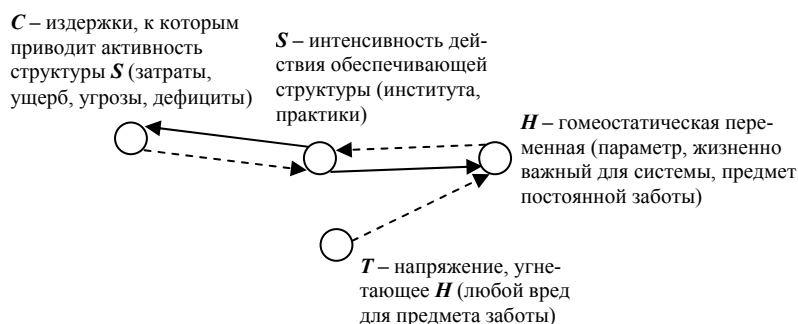

устройства. В периоды трансформации многие такие структуры ставятся под вопрос контрэлитой, оппозицией, протестными группами. Вместо прежних прокламируются, с тем или иным успехом утверждаются новые социальные и политические идеи, новые отношения и структуры.

Функциональная модель и ее расширения

Стремление акторов к комфорту (материальному, социальному, духовному) позволяет говорить об их заботах, интересах, связанных с количественными или квазиколичественными сторонами объектов социального мира. Если уровень комфорта — это состояние самого актора, то *забота* интенциональна и указывает на значимость поддержания каких-то характеристик объекта на приемлемом (необходимом для комфорта) уровне. Наличие заботы означает, что падение значений такой важной характеристики ведет к усилиям актора по ее восстановлению¹.

Наиболее простой, конструктивной и допускающей самые разнообразные расширения и обогащения является в данном случае функциональная схема, предложенная Артуром Стинчкомбом (рис.).

Рис. Модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу.

Здесь сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую) связь, а пунктирные – отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь

¹ Некоторые переменные (богатство, власть, престиж) для многих акторов вообще не имеют «потолка», то есть забота об их беспредельном увеличении ни на каком достигнутом уровне не останавливается.

Для поддержания на приемлемом уровне *гомеостатической переменной H* (предмета постоянной заботы) используется *активность обеспечивающей структуры S* (социального института, практики, технологии, ритуала или традиции). Действие структуры *S* тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной *H* (негативная связь). Сама же структура *S* своим действием восстанавливает, усиливает *H* (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие *напряжения T*.

Действие структуры *S* «не бесплатно» и сопровождается *издержками C*, которые растут по мере роста *интенсивности S* (положительная связь), причем рост издержек *C* естественным образом угнетает интенсивность структуры *S* (негативная связь), кроме того, может прямо усиливать напряжение *T* [Stinchcombe 1987: 148–164; Розов 2009].

Функциональная схема отнюдь не ведет к фиксации на стабильности а la структурный функционализм парсоновского типа. Напротив, схема А. Стинчкомба оказывается весьма эвристичной при анализе *исторической динамики*, ведь при каждой трансформации, тем более при каждом эволюционном сдвиге, появляются новые обеспечивающие структуры, новые гомеостатические переменные («новые заботы»), новые издержки и новые напряжения.

Проведем ряд отождествлений, соединяющих данную модель с представленными выше концептами. *Вызовы-угрозы* – это напряжения, наносящие ущерб предметам заботы, а также чрезмерно выросшие издержки. *Вызовы-возможности* – видимые актерам перспективы увеличить гомеостатическую переменную через активизацию прежней или создание новой обеспечивающей структуры.

При положительных подкреплениях – достигнутых устойчивости или росте гомеостатических переменных – функциональное взаимодействие стабилизируется с теми же связями. *При отрицательных подкреплениях*, когда гомеостатические переменные падают, не поддаются контролю, происходит смена обеспечивающих структур, соответственно издержек, напряжений, то есть перестройка всей системы связей.

Связь ритуалов с функциональной моделью опосредована, но она многосторонняя. Сами предметы заботы, представляющие для людей гомеостатические переменные, связаны либо с символами, святынями как объектами ритуального поклонения (соответственно

с духовным комфортом), либо с властью, богатством, престижем, то есть с ролью в иерархических ритуалах, со способностями, ресурсами устраивать нужные ритуалы, вести достойный своей идентичности образ жизни (факторами социального и материального комфорта).

Таким образом, смена моделей динамической взаимосвязи переменных – превращение констант в переменные и наоборот, ослабление-блокирование или появление-усиление связей, их переключение (из положительных в отрицательные и обратно), замыкание и размыкание петель обратной связи и прочее – все это может быть эксплицировано через вызовы/ответы, успехи/провалы, консервативные и трансформирующие ритуалы участников, получивших в прежних цепочках ритуальных действий свои установки и габитусы.

Значимые статистические данные о крупных социальных целостностях (уровень *structure*) непременно соотносятся с функциональной моделью А. Стинчкомба, поскольку отражают прямые или косвенные характеристики гомеостатических переменных (экономический рост, легитимность власти и режима, социальная стабильность), обеспечивающих структур (производственные мощности, трудовые ресурсы, армии), издержек (финансовые затраты, всевозможные негативные следствия активности) и напряжений (риски, угрозы, ущерб, разрушения).

Таким образом, динамические модели взаимодействия переменных (каноническая схема Стинчкомба и ее всевозможные расширения) получают роль главного связующего звена в цепочке концептов между *agency* и *structure*. Человеческие стремления к сохранению и увеличению трех типов комфорта, генезис и смена установок в интерактивных ритуалах, управляемое установками поведение (*agency*) получают отражение в динамической взаимосвязи между количественными характеристиками забот, обеспечивающих структур и деятельностей, издержек и напряжений, а эти характеристики уже агрегируются в данных о крупных социальных целостностях (*structure*).

На макроуровнях значимы не столько сами количественные характеристики, сколько структурные сдвиги, медленно (эволюционно) или быстро (революционно) преобразующие общества. Рас-

смотрим теперь, каким образом выстроенный арсенал концептов помогает прояснить природу периодов стабильности и периодов социальных потрясений, смены структур.

Механизмы стабильности, макрособытий и их следствий

1. *Механизм социального воспроизводства.* Во всех устойчивых группах и организациях (в том числе государствах – особых организациях организаций, а также их коалиций) поддерживающие и обеспечивающие их повседневные практики и взаимодействия являются закономерными следствиями *установок и габитусов*, которые члены этих сообществ получили и подкрепляют в сериях *консервативных ритуалов*, причем поддержание этих практик, отношений выгодно, по крайней мере, членам управляющего центра каждого сообщества (*правлящей элите*), то есть воспринимается ими как основа их *материального, социального и духовного комфорта*. Все, кто испытывает дискомфорт от этих отношений и практик (чувствуют себя материально обделенными, социально униженными или духовно оскорбленными), вынуждены подчиняться, участвовать в предписанных им практиках и взаимодействиях, во-первых, в силу *легитимации порядка с привилегиями правящих элит*², во-вторых, потому что в системе институциональных отношений ожидаемые *санкции за нарушения правил* поведения ведут к еще большему дискомфорту для нарушителей.

2. *Механизм социальной трансформации.* Устойчивые группы и организации (в том числе государства, их коалиции) переживают относительно быстрые существенные изменения своих отношений и практик (трансформации) только как непосредственные или отдаленные следствия ответов на вызовы (угрозы или соблазны)³ для членов управляющего центра (*правлящей элиты*). Вначале всегда

---

² Здесь воспроизводятся положения П. Блау и Р. Эмерсона. Ср.: «Отличительной характеристикой легитимной власти является то, что командам вышестоящих подчиняются не потому, что у них есть власть санкций, но из-за нормативного давления, оказываемого самими подчиненными, особенно если эти нормативные рамки институализируются. Власть, в свою очередь, укрепляет организованность, порядок» [Blau 1964: 98].

³ Причины этих вызовов, как внутренние (социально-экономические, культурные конфликты, усиление непримиримой оппозиции, непреднамеренные макроследствия микроповедения, по Т. Шеллингу [Schelling 1978]), так и внешние (экспансия или агрессия извне, пертурбации на мировых рынках), относятся к следующим слоям причинности и здесь не рассматриваются.

даются ответы, положительно подкрепленные в прежних ситуациях сходных вызовов. После серии провалов (отрицательного подкрепления) среди членов элиты происходят бурные драматические *трансформирующие ритуалы* с рефреймингом, отказом от прежних трактовок ситуации, характера вызова, требуемых ответных стратегий и перехода к новым. Эти решения и управляющие действия элиты сами становятся вызовами для остальных акторов (групп, организаций, индивидов) в данном сообществе, на которые каждый актор опять же отвечает в соответствии с ранее ритуально сформированными установками и габитусами своих членов. Эти ответы могут выражаться в попытках снижения издержек, построения новых обеспечивающих структур (что сложнее и осуществляется реже), а также в стремлении подавить предполагаемые источники напряжений (что проще и делается чаще). Попытки подавления обычно ведут к конфликтам, противоборству, а значит, к новым волнам вызовов-угроз для участвующих акторов, что ведет к *конфликтной динамике*. Восстановление стабильности, мирные поэтапные реформы, радикальное преобразование отношений и практик, смена власти с перестройкой государственных, сословных, классовых структур (социальная революция), гражданская и/или международная война, массовое насилие, деградация, реставрация, реакция, распад или расцвет – все эти и промежуточные, смешанные варианты *макрособытий* являются закономерными следствиями того или иного направления конфликтной динамики, определяемой взаимными вызовами и ответами акторов и соответственно меняющихся обстоятельств.

3. *Механизм воздействия макрособытий на поведение индивидов и групп.* Каждое макрособытие, как правило, включающее конфликт с противоборством сторон (см. выше), служит горячей темой бурных обсуждений (ритуалов), в которых каждый участник склонен принимать ту или иную сторону, исходя из соображений сходства в идентичностях, общих символов или рационального расчета выгод от победы какой-либо стороны. Далее, каждое макрособытие ведет к существенным изменениям обстоятельств – обычных характеристик ситуаций повседневности, включая доступ к ресурсам, возможности и препятствия привычных действий и деятельностей, – для всех включенных в эту целостность или зависимых от нее акторов: от государств до индивидов. Каждый актор восприни-

мает это изменение как вызов и отвечает на него согласно полученным в прежних ритуалах установкам, связанным с принятием той или иной стороны в конфликте, а также с соображениями сохранения комфорта, получения дополнительных выгод в открывающихся возможностях.

Каждый из механизмов 1–3 представлен как идеальный тип (по М. Веберу): в реальности не бывает «чистого» воспроизводства и «чистых» трансформаций, поскольку любая стабильность терпит изменения, а внутри каждого макрособытия, его следствий есть рутинные практики.

Детерминанты ритуальной динамики

Поведение объясняется габитусами как комплексами установок, установки формируются в ритуалах. Но почему происходят именно такие, а не другие ритуалы? Почему в одних местах и временах бывают одни ритуалы, а в других – другие?

Консервативные ритуалы, как уже говорилось, всегда отвечают интересам их устроителей, лидеров и элит, которые либо сами находятся в центре ритуального внимания, в привилегированных, престижных позициях, либо каким-то образом участникам внушается причастность элит святыням, их легитимность, право на власть и почитание. Каким образом разные элиты устраивают нужные им ритуалы, посредством каких материальных и символических ресурсов, с какими сценариями, с каким учетом достоинств или недостатков участников, какими последствиями для их установок – все это уже является предметом эмпирических исследований.

Сами элиты, а также остальные их составляющие не «сваливаются с неба», но являются закономерными результатами прошлого – истории изменений отношений и институтов, в том числе «фильтров» (в особых ритуалах испытаний) и разного рода правил, согласно которым именно такие люди с подобными габитусами и установками занимают теперь элитарные позиции.

Не умаляя фактора случайности, укажем на важную закономерность: в поворотных моментах истории новые идеи возникают только благодаря отбору и сочетанию между собой уже имеющихся в данной культуре идей. Кроме того, любые случайные события

в своих следствиях, в развертывании всегда входят в русла закономерностей, связанных уже со структурами отношений и взаимодействий, с массовыми установками.

Эта сложность приводит нас к упущенной до сих пор сфере.

Столкновения, дискурсы, рынки и сети

Под столкновениями обычно понимаются встречи, взаимодействия в ситуациях здесь-и-сейчас. Покупка в магазине, проезд на такси или автобусе, разговор со случайным попутчиком, прочтение статьи в газете или журнале, просмотр новостной телепередачи часто не составляют постоянных отношений, но в совокупности образуют некие социальные целостности, с одной стороны, текучие, расплывчатые, трудноуловимые, с другой – явно обладающие определенными свойствами, динамикой и воздействием на поведение индивидов и групп.

В аспекте актуализируемых в этих столкновениях идей, смыслов, символов данные целостности предстают как *дискурсы* – продолжающиеся, вытекающие друг из друга разговоры, как устные, так и фиксированные в текстах, которые сами становятся предметами следующих разговоров.

В плане *социальных обменов*, когда люди вступают в общение, отношения друг с другом, ожидая (пусть бессознательно) какого-либо вознаграждения (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон), когда хотя бы некоторые акторы вольны выбирать, с кем проводить торг и сделку, речь должна идти о рынках. Помимо *экономических рынков* (с продажами, наймом, платными услугами, заказами, инвестированием, кредитованием и пр.) есть еще *социальные рынки*: брачные и эротические, рынки дружеских отношений, рынки доверительных отношений и взаимных услуг в быту и политике, административные рынки и т. п. Среди социальных особо выделим *разговорные рынки*, где высказывания как внесение части символического капитала собеседником предлагаются для одобрения слушателями с ожиданием ситуативного продвижения в социальном членстве (Э. Гофман, Р. Коллинз), их современные версии с «лайками» в социальных сетях Интернета, таких как *Одноклассники*, *ВКонтакте*, *Живой Журнал*, *Фейсбук* и пр.

Наконец, регулярно повторяющиеся столкновения образуют широкие и разветвляющиеся структуры – *сети*, все активнее изучаемые социологами.

Для нашей темы дискурсы, рынки и сети представляют особый интерес, поскольку реализуются в столкновениях здесь-и-сейчас – на микроуровне *agency*, но при этом в своей обширности и массовости явно относятся к макроуровням *structure* (нередко даже пересекают политические границы).

Что же добавляют дискурсы, рынки и сети к функционированию и динамике нашей цепочки концептов-медиаторов? Ответ на этот вопрос требует серьезных исследований, прежде всего эмпирических. Здесь ограничимся формулированием наиболее явных и подтвержденных закономерностей.

Дискурсы, очевидным образом, служат распространению, диффузии не только новостей и сплетен («сарафанное радио»), но также идей, картин мира, осмысления ситуаций, а кроме того, новых символов, святынь, ценностей, которые, между прочим, передаются неявным образом через те же новости и сплетни, а не только через рефлексивные дискуссии.

Дискурсы не витают сами по себе «в пространстве знаков и культуры», как привыкли думать многие филологи, но всегда «посажены» на структуры столкновений: *социальные рынки* (прежде всего разговорные, в том числе связанные с обсуждением текстов) и *сети личных знакомств* (в которых и происходят наиболее важные разговоры – ритуалы, трансформирующие установки участников).

Сами рынки и сети отнюдь не являются пространствами равных, сугубо горизонтальных и открытых отношений (согласно упованиям либеральной и демократической идеологий), но всегда иерархизированы и в разной степени закрыты для новых участников из-за политических границ, а также сословных, классовых, языковых, культурных, логистических и прочих барьеров [Коллинз 2002].

Основной вектор распространения установок через дискурсы, рынки и сети оказывается тем же, что и в организациях, «сверху вниз»: от лидеров мнений, привилегированных участников рынков и центров сетей к периферийным слоям и ячейкам. Мягкость и не-

обязательность навязывания установок, неявный, бессознательный характер их восприятия блокируют сопротивление и облегчают процесс.

В то же время рынки и сети служат для весьма эффективной коррекции сигналов «сверху» благодаря непрерывным процессам обратной связи: не получающая отклика, одобрения идея означает провал дискурсивной «заявки» (что сходно с непродавшимся товаром), после чего лидерами мнений, поставщиками идей ведется поиск более приемлемых модификаций.

Значимость открытости экономических рынков и конкуренции для технологического развития хорошо известна. Здесь отметим только, что высокая конкуренция означает *систематическую поставку вызовов-угроз* для разработчиков новой продукции (риск отстать), а технологическое развитие и расширение рынков особенно бурно происходит тогда, *когда простые и грубые типы ответов* (подавить и изгнать конкурентов, захватить монополию с помощью власти и насилия) *институционально блокированы*, оставляя пути только для снижения издержек, организационных и технологических инноваций, продвижения в новые места сбыта.

Наконец, процессы *стихийной мобилизации* (вне государственных и иных организаций), ведущие к макрособытиям, например мятежам и революциям, обычно осуществляются через сети: клановые, соседские, земляческие, этнические, дружеские, профессиональные (Ч. Тилли, Дж. Голдстоун). Те же сети служат главными сферами и факторами *формирования отношений к макрособытиям*, принятию индивидами и группами той или иной стороны в конфликтах, формированию установок – в дискурсивных ритуальных действиях (бурных обсуждениях и спорах), обычно собирающих участников через сетевые каналы.

Особенности дискурсов, рынков и сетей в разных обществах, равно как и особенности устойчивых отношений, институтов, организаций, обуславливают различные эффекты облегчения, блокирования или фильтрации прохождения импульсов и от *agency* (с вызовами и ответами) к *structure* (с макрособытиями), и в обратном направлении.

В данном пункте уже наступает очередь построения теоретических гипотез, опирающихся на переформулированные положения

и результаты указанных выше социологических традиций, последующей проверки и уточнения гипотез в сериях эмпирических исследований.

Литература

Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.

Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М. : Академический проект, 2005.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.

Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : НГУ, 2009.

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН, 2011.

Сёрль Дж. Рациональность в действии. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro- and Macro-Sociologies / Ed. by K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel. Boston; London : Routledge & Kegan Paul, 1981.

Archer M. S. Structure, Agency and the Internal Conversation. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Blau P. Exchange and Power in Social Life. New York : John Wiley and Sons, Inc., 1964.

Collins R. The Micro-Contribution to Macro-Sociology // Sociological Theory. 1988. Vol. 6(2). Pp. 242–253.

Collins R. Micro-translation as a Theory-building Strategy. Advances in Social Theory and Methodology. Toward and Integration of Micro- and Macro-Sociologies / Ed. by K. Knorr-Cetina, A. V. Cicourel, pp. 81–108. N. Y. : Routledge, 2015.

Homans G. Social Behavior as Exchange. N. Y. : Harcourt, 1974.

Krause M. Recombining Micro/Macro: The Grammar of Theoretical Innovation // European Journal of Social Theory. 2013. Vol. 16(2). Pp. 139–152.

Lockwood D. Social Integration and System Integration // Explorations in Social Change. London : Routledge & Kegan Paul, 1964. Pp. 244–257.

The Micro-Macro Link / Ed. by J. C. Alexander, B. Giesen, R. Munch, N. J. Smelser. Berkeley, CA : University of California Press, 1987.

Schelling T. Micromotives and Macrobehavior. New York : Norton, 1978.

Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1987.